

Морская служба как форма мужской жизни

Ф.Илин

Морские истории и байки

Ф. Илин

**Морская служба как
форма мужской жизни**

«Горизонт»

2001

Илин Ф.

Морская служба как форма мужской жизни / Ф. Илин —
«Горизонт», 2001 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-906858-94-8

«Морская служба как форма мужской жизни» – это очередная книга из серии морских рассказов и повестей недавнего времени, вышедшая из-под пера Виктора Юрьевича Белько, больше известного флотскому читателю под псевдонимами «Ф. Илин» и «Старый Филин». Среди его книг, выдержавших иной раз и несколько изданий – «Легенды о славном мичмане Егоркине», «Море славного мичмана Егоркина», «Клио в тельняшке или исторические досуги в кают-компании», двухтомник «Новые легенды славного мичмана Егоркина», книга для детей: «О городе Коле, о Заполярье и о море» и некоторые другие. У этой книги намеренно «околонаучное» название, почти, как у монографии – «Морская служба как форма мужской жизни». По сути – это сборник коротких произведений, написанных по мотивам воспоминаний офицеров флота, для которых корабельная жизнь и морская служба означала главную и единственную форму существования... Это было недавно, это было давно! В то самое время, когда мы все были молоды, а наши друзья и родные – живы и здоровы, и все это было правдой! Для кого-то это было вчера, а для кого-то – целую жизнь тому назад! Из повести – «Отличная оценка или «Купите мину!»)

ISBN 978-5-906858-94-8

© Илин Ф., 2001

© Горизонт, 2001

Содержание

Часть первая	7
Сэмониада	7
Стих первый	7
Стих второй	9
Стих третий	14
Стих четвертый	19
Стих пятый	23
Стих шестой	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ф. Илин

Морская служба как форма мужской жизни

... Это было недавно, это было давно! В то самое время, когда мы все были молоды, а наши друзья и родные живы и здоровы, и все это было правдой!

Для кого-то это было вчера, а для кого-то – целую жизнь тому назад!

(Отличная оценка или «Купите мину!»)

Как-то очень давно, просто ужасно как давно, одна миловидная женщина попала в нашу компанию и волей-неволей слушала разговоры. О чем разговоры? О море, о кораблях, о новых кораблях, ракетах и еще черт знает о чем, так или иначе связанном с морем и службой. С нашей жизнью – минувшей и настоящей. Есть такое состояние ума, когда несколько подогретые кое-чем и возбужденные нейроны возвращаются к служебным вопросам.

Закон викингов знаете? Ну да, в море о... женщинах, с женщинами – о море! Так и у нас. Так вот, выводом из наших разговоров был ее возмущенный вскрик:

– О море, о службе, сегодня, завтра, на следующий год... а жить-то когда?

Но в то время мы искренне считали, что то, чем мы занимаемся круглосуточно – и есть ЖИЗНЬ. Вот такая обычная форма мужской жизни! Других-то форм жизни мы тогда и не знали!.. А некоторые даже потом не успели узнать другие формы – уж так сложилось, тоже особенность этой формы жизни. Даже если это – вроде бы – и мирное время.

Те, кто дожил до увольнения в запас, вот те узнали, что, оказывается, бывает и другая жизнь!

Но тогда мы были молоды, море было нашим домом и... это были безусловно лучшие годы!

Некоторые читатели говорили, что мои герои – офицеры и мичмана флота, уж слишком положительные, прямо – лубочные. Не согласен, да и на всех-то не угодишь! Никогда не стремлюсь это делать!

Не все они «белые и пушистые», не все они картинки в рамочках, но вот рафинированных подлецов и бессовестных хапуг среди них нет. Не пишу о них – и всё! О них и так много пишут, так что, кто хочет, и даже – кто не хочет...

Говорят, у нас все руководящие социальные институты из них состоят. Не знаю, не уверен – а если не знаю – значит, не пишу!

Вот поэтому у книги «околонаучное» название, как у монографии – «Морская служба как форма мужской жизни». Ироничное, понятное дело. Тема эта не исчерпаема! Вся книга – сборник коротких произведений, написанный мною по мотивам рассказов и воспоминаний офицеров флота. Моих друзей и товарищей и моих собственных. Разумеется, в авторской обработке, поэтому имена вымышленны, названия некоторых населенных пунктов и баз – тоже. Кстати, в некоторых произведениях я объединял сюжеты моих товарищей и сплеснил их в одну снасть, как говорят боцмана. Во всяком случае, так говаривали в мое время, вот поэтому не надо искать места, где я «приврал», а где был точен. Сам не знаю!

Каждый пишет для своего читателя – он у меня есть. «Морская служба как форма мужской жизни» – это уже пятая книга серии морских рассказов и повестей недавнего времени, в которую вошли «Легенды о славном мичмане Егоркине», «Море славного мичмана Егоркина», «Берег славного мичмана Егоркина», двухтомник «Новые легенды о славном мичмане Егоркине».

Надеюсь, что очередная книга серии «Морская служба как форма мужской жизни» не разочарует постоянных читателей, а авторы подсказанных мне сюжетов в скором времени получат свои экземпляры. Получат свои экземпляры и все библиотеки, с которыми я сотрудничаю – традиция такая, а уж традиции надо блюсти! На них стоит и мир, и флот!

Посвящаю светлой памяти моих безвременно ушедших друзей по учебе и службе, моих старших товарищей и командиров.

Жду отзывов и новых «запускающих триггеров» для интересных сюжетов.

Часть первая

Морская служба как форма мужской жизни

Сэмониада

«...Вы Сагу хотели? Их есть у меня!»
Сказание о минёре Сэме Сага
И это все о нем!

Стих первый

– Здравствуй, море! Начало начал

Все когда-то заканчивается, все когда-то начинается. Отгремел выпуск надраенной медью оркестра и хлопками шампанского прямо на плацу, среди молчаливых коридоров старого корпуса славного училища.

Пролетел быстрой птицей долгожданный отпуск. Позади остались пять благословенных курсантских лет, когда на плечах не было никакой тяжести, кроме маленьких золоченых якорей.

Впереди – серьезная мужская жизнь. Здравствуй Север, здравствуй Флот! Начинаются настоящие «мужские игры на свежем воздухе». Примерно так думали мы все, прибывая из первого отпуска на флоты и получая назначения. На первый взгляд, мы были одинаковыми, но впереди нас ждали разные судьбы.

Мы не представляли себе тогда другой жизни, иначе как на службе Отечеству на флоте. Военно-морская служба как форма жизни...

И был среди таких, как мы, и Семен Геннадьевич Волынский. И это всё о нем!

Семен Волынский получил назначение на тральщик. Штурмана, всякие инженеры РТС с задраным носом, от гордости общения со всякой электроникой, серьезные и мудрые механики воспринимали такие назначения как божью кару за училищные грехи и тройки, а также за все преступления против человечности и нравственности, совершенные ещё в детстве.

Но он, выпускник минно-трального факультета самого лучшего в Советском Союзе Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, другого назначения и не ждал. Для назначения в НИИ или в военную приемку его родственники по социальному статусу явно не дотягивали. Да и сам он искренне стремился на корабли, к морю и в море!

Флот же он выбрал сам, как отличник учебы и всяческий передовик. И вся интрига для него заключалась лишь в одном: на морской тральщик или на базовый? Тральщики стояли тогда в трех гарнизонах флота, а ему повезло – попал в Полярный. Какая никакая, а – столица. И всего в двух часах от цивилизации!

Хотелось бы на морской тралец, они в то время ходили далеко, даже в Африку, даже – за экватор, даже – в Индийский океан! Даже на Кубу!

Тем более, что стажировку он проходил на морском тральщике и полюбил эти корабли, заслужил уважение командира корабля и даже комдива.

Но судьба выбросила кубик не той стороной. Выпало на базовый тральщик. Хотя за Сэма даже просил комдив морских тральщиков, а вот комбриг решил совсем наоборот.

А все потому, что старший лейтенант Александрович, недавно назначенный командиром базового тральщика из числа самых отстающих, остро нуждался в помощнике. Прямо, как в

поддержке для собственных штанов – иначе просто никак! Бездельник он был знатный, но прятался всегда за отсутствие помощника... За корабль комбриг всерьез боялся.

В то время на сленге базовые тральщики звались «шифоньерами», и «мыльницами». Первые были классическими деревянными, построенными из добротной карельской сосны. На морской волне они отчаянно скрипели и пощелкивали, как старая мебель, но были теплыми и уютными, служили пристанищем для множества крыс и тараканов.

Вторые – поновее, с современным хитрым наборным устройством корпуса из дерева и композитных материалов, с новой поисковой телеаппаратурой и гидроакустической станцией. Служить на них было, конечно, поинтересней – если с профессиональной точки зрения..

Жаль, конечно, что с морским тральщиком Сэм пролетел, как баклан над камбузом. Зато сразу же назначили помощником командира! Минуя первичную должность «бычка». Второй человек на корабле! Это вам не завскладом железобетонных конструкций! Так Сэм утешал сам себя.

Но, оказалось, и здесь не повезло: корабль перманентно стоял в заводе и лечил свою хроническую болезнь – шахта опускаемого устройства постоянно текла, чтобы с ней не делали, но чинить его, все же пытались, сколь прилежно, столь и безуспешно. Клеили, клеили – всё без толку! Сколько полновесных советских рублей угрохали – сплошная жуть. Всю палубу – наверное – можно было выстелить. Это ему наспех поведали просвещенные лейтенанты с других кораблей.

Сэм забрал свой чемодан, оставленный у товарища в каюте, и поехал в неведомый город Росту. Там среди прочих других, в одном из доков затаился его ПЕРВЫЙ в жизни корабль. И он был пока еще неведом ему самому!

На корабле ему обрадовались и навесили на него всё, что можно! В том числе, и все недостатки за последние лет десять. С этим тоже ему предстояло разобраться. Его предупредили об этом еще в штабе бригады.

А командир ему сказал:

– Пом! Задача тральщика проста, как инстинкт черепахи: отложил яйца в нужном месте, и тони себе спокойно! С этим ты справишься! – с этими словами Александрович хлопнул на стол целую стопку книг, затем – вторую. – Вот тебе «Азбука»! Учиться настоящему делу будешь военным образом! Поэтому, вот тебе первоисточники! И учти: это только секретные. Несекретные подберешь сам. А вот времени я тебе на даю! Срок сдачи – вот видишь – вчера!

И, вперед! Рога трубят! Давай-давай! Твое место на ходовом стонет в одиночестве! – резюмировал командир, спешно собирая в портфель какие-то вещички. Да, вот еще: – Остаться ВриО Царя! – сказал он, резко (и внушительно!) хлопнул дверью каюты и якобы пошел в заводоуправление. Началась служба корабельная! Сэм сел в своей каюте и задумался. Кроме него, из офицеров на корабле был штурман, который бился насмерть за перевод хотя бы на МПК, так ему тральщики не понравились и даже уже привили рвотный рефлекс одним своим видом. Был и механик, целый капитан-лейтенант. Он был старше всех на корабле, по званию, выпуску и возрасту. Кстати, а где он сейчас? Командир что-то ничего не сказал о нем!

Как раз в этот момент с вахты раздались призывные звонки. Через некоторое время объявился рассыльный и, переминаясь с ноги на ногу, почесываясь в разных местах в знак сомнений, доложил: – Товарищ лейтенант! Вас к трапу приглашают!

– Меня? – крайне удивился Волынский, но взял фуражку и двинулся на ют. Там уже стоял дежурный по кораблю, старшина, нагло ухмыляющиеся заводские работяги. У фальшборта, под ногами лежал какой-то черный тюк.

– Помощник командира! – гордо отрекомендовался Семен.

– Мне бы командира!?

– А командира нет!

– Значит – вы-то мне и нужны! Это – ваше? – презрительно глядя на лейтенанта, спросил мужик в белой каске. Сэм уже знал, что в белых касках ходят инженеры и цеховое руководство. А также важные труженики заводоуправления.

– Что – наше?

– А вот это! – и он указал на тюк. Приглядевшись, Волынский понял, что это не тюк, а тело капитан-лейтенанта в бессознательном состоянии. От него шел густой запах спирта, чеснока и еще черт знает чего. Этот офицер явно выпил меньше, чем хотелось, но – все-таки – больше, чем ему позволяла его ослабленная нервная система и тощая конструкция тела. И ему, надо думать, последовательно отказали ноги и сознание. Не управлялись – и все! И упал он без признаков жизни, там, где шел. И лежал себе на причале, под штабелем изоляционных материалов – чистый «груз-400», на морском сленге.

– Да не наше это! – возмущенно прорычал Сэм. Разве мог такой капитан-лейтенант служить на его корабле?

– Наше, наше! – хором закричали дежурный и матросы из БЧ-5, повывлезавшие из своих недр как духи из преисподней.

– Ах, вы еще и врать? Я на вас, товарищ лейтенант, завтра докладную подам! Пораспустили тут свой личный состав! И сами товарищи офицеры напьются в хлам и валяются где попало, как вороны дохлые! Совесть где?! – мстительно грозился дядька в белой каске.

С этими словами, ворча себе под нос, работяги сбежали с трапа и пошли по своим делам.

У Волынского отвалилась челюсть, прямо, как аппарат на БДК. Сэм, не нашедся, что ответить, и лишь провожая важного гостя взглядом, вслух сказал, оставляя последнее слово за собой:

– На себя посмотрите! Ну и ни хрена себе! Дел еще не принял, но вот, похоже, клизму с патефонными иглками схлопочу за целого капитан-лейтенанта! Расту прямо в собственных глазах! – изумился он. Оглядев командира БЧ-5 и его храбрых бойцов, он махнул на них рукой: – Тащите тело героя в его каюту! Раздеть и уложить лицом вниз!

Это значит, чтобы не захлебнулся в собственном соку. Такие меры предосторожности Волынский уже знал из рассказов своих старших товарищей.

Сэм сел, закурил сигарету. Он не знал, то ли плакать ему, то ли материться. Остановился на втором варианте и вызвал дежурного. Придется показать, кто в доме хозяин. Заодно и поспрашивать словоохотливого старшину о том, о сем. Он смутно подозревал, что картинка окажется даже более мрачной, чем он успел нарисовать сам себе.

Стих второй Сэм и Золотая Рыбка

С первого же дня Сэм увидел, что народ на корабле ходит голодный, а продуктов на корабле нет. То есть – абсолютно. В кладовых не было даже пшеницы и муки, которые в те времена валялись в провизионках (кладовые провизии, сленг) всех кораблей в изобилии.

А питаются матросы тем, что выклянчат на соседних кораблях – картошкой, крупой, причем – самых не популярных видов, а запах мяса даже успели забыть. Короче, полный Хичкок!

Командир об этом подозревал, но на корабле почти не появлялся, надеясь на помощника, которого забыл ввести в курс дела. У него была личная жизнь! Штурман и механик столовались на соседних кораблях у друзей, и личный состав их не интересовал – вопрос не по их окладу, отвечали они.

– Вот тебе надо – ты и занимайся! – говорил обиженный механик, которого он поднял на ноги перед подъемом флага, невзирая на терроризировавший командира БЧ-5 жестокий похмельный синдром. Сам капитан-лейтенант в это время поедая десяток котлет из буфета заводской столовой.

Абзац! Делать было нечего – славный командир опять куда-то пропал.

– У него – опять любовь! – хмыкнул штурман, отрываясь от корректуры карт и кучи «извещений». Сэм вздохнул, выругался – на его любовь ему было плевать, сплетнями он не интересовался, но дело надо делать! Потом вздохнул и взял кока за воротник робы.

От души тряхнув его, и пару раз приложив его о спину о пластик обшивки камбуза. Пластик затрещал, а из кока полились откровения. Через минуту Волинский без труда выяснил, что уже целый месяц продукты на корабль не получались. Вообще! В том смысле, что – абсолютно.

Всё было просто, как апельсин: – уходя из базы в завод, с довольствия не снялись, командир такие мелочи в голове не держал. Перед самым отходом стало некогда, другие проблемы одолели.

Кок просто сначала поленился доложить о проблеме и задать сакраментальный вопрос: – А из чего мне готовить пищу братве, собственно? Потом забыл, а теперь боялся, что Александрович напрочь оторвет ему голову, если узнает. Вот и молчал себе в грязную тряпочку. Все то, что должно быть на камбузе белым, например – фартук, куртка и поварской колпак у кока, было мрачно-серым, или слабо-черным – как осенняя снего-дождевая туча. На приличном корабле, как понимал Сэм, надо было кока выбросить за борт и не давать спасать – какое-то время.

Матрос так устроен, что он никогда не будет делать больше того, чем с него спрашивают. А вот спросить с него было вообще некому! Впрочем, а почему только матрос?

Заниматься вопросами питания личного состава сейчас было некому. Естественно, доставлять продукты из Тмоторакани никто к ним на борт и не собирался, а Александрович искренне считал, что не царское это дело. Все как-нибудь само-собой рассосется!

Сэм плюнул, зашипел от злости и пошел к командиру. Тот, оказывается, смылся с корабля на какую-то из своих явок, никого не предупредив. Отчаянный был человек, никого и ничего не боялся!

Вообще-то Александрович хотел стать командиром главным образом потому, что ему очень надоело работать с утра и до ночи на протяжении трех лет в помощниках. Ему нравился командирский статус! Он честно думал, что командир, прямо по штату, сидит или лежит себе в каюте, а все остальные жужжат вокруг, как пчелки. Главное не дать тем влетать в свой улей! Чем не жизнь, а? Даже чай и жареную картошку носят прямо в каюту!

Он решил, что после назначения, с первого числа или прям с понедельника, будет раздавать задания, казнить и миловать. И начал!

И без того шаткий порядок без помощника рухнул в одночасье.

Александровичу все-таки приходилось кое-что делать. А тут, наконец-то, помощник прибыл.

– Значит, – решил Александрович, – у меня есть заслуженное право расслабиться и вдоволь отдохнуть! Устал же! Жить надо по собственному плану! Я уже перетрудился – вон, все подруги так говорят!

И исчез. Просто дематериализовался с корабля и даже с территории завода....

Волинский поднимать шума не стал, жаловаться не научен. «Если власть валяется – ее надо брать в свои руки!» – вспомнил Сэм флотское правило. Эту мысль ему внедряли в мышление его преподаватели и командиры еще в училище. И решил действовать!

Он записал в вахтенный журнал приказания для штурмана и механика, заставил их расписаться в ознакомлении, намекая на юридическую ответственность – чтобы не отверглись!

– Значит, так! – сказал он штурману официально: – теперь ВрИО царя – вы! Вариантов просто нет! Держитесь! Командира бы еще найти! Слушай, штурман, даже сказочный царь – и тот заборы синей краской красил в мультике! Тунеядничать, бедолага, не хотел! А наш кэп совсем...

– У него – эйфория! Пока еще... Да и пасть ему никто не рвал, всё впереди! – заступился за Александровича штурман.

Потом, махнув рукой на все, прямо с утра Волынский поехал в родную бригаду. Только голодного бунта на корабле не хватало, чтобы стать знаменитым на весь Флот. С собой он прихватил четырех бойцов.

На береговой базе бригады он изложил в красках голод личного состава. Это самое бедствие в его описании выглядело солидно даже на фоне общесоюзного голода тридцатых годов. Командир бербазы мгновенно почувствовал себя неуютно в своем роскошном кресле. Ему показалось, что оно уже начало слегка дымиться. Он вспотел во всех популярных местах, а волосы встали дыбом сами. Он почему-то думал, что во дворе базы уже строится расстрельный взвод.

В случае ураганного развития событий ему бы тоже попало – прямой наводкой, как минимум – от комбрига: а почему не докладывал, что за целый месяц на корабль даже буханку хлеба не отправили? Почему не заставили встать на довольствие в бригаду ремонтирующихся кораблей в том самом заводе. А?

И на него выкатили боо-льшую пушку, с прямой наводкой! Минимум – НСС и парткомиссия! А то и расстреляют на досуге...

И он принял самое деятельное участие в выправлении положения, бодро вскочив с кресла!

К удивлению Сэма, к его проблеме отнеслись с пониманием. Ему готовы были выдать все, что задолжали за этот месяц, бухгалтерша сразу же принялась выписывать аттестат на корабль. Кладовщики-баталеры получили самые суровые указания, чтобы выдать все до последнего грамма, и сегодня! И не дай им Бог куда исчезнуть со склада до выдачи – приема...

А вот комбриг его не стал и слушать. После всех дрызг и приключений, форма одежды Волынского выглядела не лучшим образом, он и сам несколько стеснялся своего внешнего вида.

И комбриг начал общение с молодым офицером с разноса и поучений. То, что у лейтенанта могут быть свои служебные и личные проблемы, ему в голову просто не приходило. Да и попался тот ему под горячую руку, надо было на кого-то спустить пар, а замученный и помятый Волынский с покрасневшими глазами вполне подходил на роль громоотвода. Так сказать, потенциальная безответная жертва со всеми признаки виктимности.

И Сэм наслушался мрачных прогнозов и кровожадных обещаний в перспективах службы от своих высоких начальников.

Получался замкнутый круг – все его благие стремление упирались в непонимание и откровенное сопротивление начальников. Семен еще не разучился удивляться особенностям мышления командиров! А народная мудрость, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным, еще не полностью овладела его наивным лейтенантским сознанием.

Тогда он, сжав зубы, решил делать все сам. При помощи бойцов получил целую машину продуктов, которые он разместил до лучших времен на одном из кораблей. Он загрузил своих бойцов всякими крупами, маслом – ровно на столько, сколько смогли увезти, пристроил их на рейсовый катер, купив билеты за свой счет, и выдав им еще денег на автобус. Есть-то на корабле что-то было надо...

Вернувшись к своему товарищу на корабль, он заметил, что кое-что из продуктов уже стащили.

Его выпускник и коллега Слава, смущенно извинялся. И то, правда – за всем не уследишь. Черт знает что, замкнутый круг получается! Сэм был уже готов расплакаться. Он пошел по причалу, не зная, что делать дальше.

Вдруг у трапа к штабу флотилии его остановил рослый, подвижный капитан первого ранга.

– Что такой невеселый, товарищ лейтенант! С какого училища?

– Имени Фрунзе, товарищ капитан 1 ранга!

– Ух, ты! У нас общая Альма-матер! – обрадовался он, словно старому знакомому и продолжал: – Служба только начинается, жизнь – вся впереди, а по твоему виду можно предположить, что ты похоронил любимую тещу и все надежды сразу! Теща-то есть? Нет? И жены тоже нет? Вот молодец! Везет тебе! Да ты счастливчик! Везун! Плюнь на остальное и разотри!

Эх, мне бы сейчас твой возраст! Давай, махнем не глядя – ты мне свои двадцать два года, а я тебе – свой орден и погоны! – пошутил он и улыбнулся: – Ну, рассказывай, что стряслось-то? Вместе помозгуем и решим, кой-какой служебный опыт у меня имеется!

– Да вот так, нескладно получилось, не знаю что и делать дальше! Вляпался я в полный рост! Что ни делаю, все получается наоборот! – вдруг поведал Сэм свою грустную историю незнакомому офицеру, неожиданно для самого себя поддавшись на доброжелательный, участливый вопрос. Он рассказывал о событиях последнего времени, о своих тревогах и чаяниях, о всем том, что накопилось в его душе. По большому счету, на корабле и поговорить было-то не с кем!

Тот его внимательно выслушал, задавая уточняющие вопросы, сочувственно кивал, давал короткие советы.

– Значит, так! – завершил разговор капитан 1 ранга. – Всё ты делал правильно!

Желание есть, все остальное приложится! Учиться, я думаю, ты умеешь! Опытные командиры найдутся – у них таких, как ты много было! И есть среди нашего брата такие, которых хлебом не корми – дай поучить! Да и личный опыт это, знаешь ли, брат, тоже не баран начхал! Умный человек будет пользоваться чужим опытом, дурак – собирать собственные шишки! А сейчас иди-ка ты на свою бригаду, прямо к оперативному дежурному. Знаешь – где? Ну и хорошо! Посиди там какое-то время и никуда не уходи, даже если будут гнать. Вот увидишь – все будет нормально!

Он поймал недоверчивый взгляд Волынского и добавил: – Иди-иди, все наладится, точно говорю! Я пару волшебных слов знаю!

И, приветственно махнув рукой, заспешил куда-то по своим делам.

– Тоже мне, Золотая рыбка! – проворчал Сэм и пошел на «Вычегду», где располагались штаб и управление минно-тральной бригады. На душе, действительно, стало легче. В первый раз за всю неделю его выслушали, посочувствовали и кажется, поняли.

Нашел рубку оперативного, присел на какой-то зеленый деревянный ящик.

– Чего тебе надобно, старче? – спросил его задерганный оперативный дежурный, его флагманский специалист, один из немногих офицеров, которых он знал в штабе бригады.

– Мне приказали сидеть здесь и ждать! – ответил он.

– Кто приказал? Чего ждать? – опешил минер.

– Не знаю! – честно ответил Сэм.

Но минут через пятнадцать начались звонки. Дежурный отвечал на них, озадаченно оглядываясь на Волынского. Сам звонил, передавал какие-то распоряжения, кому-то докладывал виноватым тоном.

Встреченный Сэмом капитан 1 ранга оказался целым начальником штаба флотилии. Не привыкший бросать свои слова на ветер, лишь только войдя в свой кабинет, он тут же вызвал к себе командира минно-тральной бригады.

Комбриг прибыл довольно быстро, не понимая, в чем дело.

– Ну и как там ваш, БТ-117, в заводе? – спросил начальник штаба флотилии, делая какие-то записи в большой черной тетради, утыканной закладками.

– Да вроде бы пока согласно плану! – опешил командир бригады.

В ответ начальник изложил ему проблемы этого корабля.

Не сказать, чтобы это было новостью для командира, но кое-чему он был удивлен.

– С людьми надо разговаривать по-человечески, тогда знать будете больше. Пришел лейтенант к вам за помощью, довела его вся эта обстановка за два дня службы. А вы... то не этак, это не так! Что, десять минут не подождать было?

– Да не тиран я! Так вышло, сработал рефлекс на неопрятную форму одежды лейтенанта, я его отправил приводить форму в порядок, а потом – забыл, только и всего...

– А он кинулся от вас сразу решать глобальный вопрос – как накормить свой голодный личный состав! По-своему стал решать, в меру сил... За свой счет матросов с продуктами на транспорте отправил, во как! Нам должно быть стыдно! В смысле – и вам, и мне лично, тудыт его в оперный театр с колоннами! Да и командира надо поправить, пока еще молодой!

– Поправим, пропарим и поправим!

– ???

– А кривое дерево можно выправить, только хорошенько пропарив! Думал уже об этом! Вожжи подтянем, болты подкрутим! Похоже, что разболтались в заводе!

– Сами и разбирайтесь! Дерево, говорите? Может, вы и правы! А, кстати, вы заметили, что если кто – чистый Буратино, то он не тонет, никогда не тонет по жизни, всплывет еще до кап-раза, посмотрите... Спорим на «Самтрест», а? Так бывает по жизни? – хмыкнул он и заключил: – Добро! Надеюсь, для лейтенанта за откровенность ничего не будет? А то я могу обидеться! – начштаба внимательно глянул на офицера.

Тот возмущенно замахал руками и гулко вдарил в свою грудь:

– Да что я. не понимаю? Так уж вышло!

Хозяин кабинета кивнул:

– Тем более, что он никак не собирался жаловаться, я его сам разговорил. А сейчас мы поступим вот так...

Выйдя из кабинета, комбриг ворчал себе под нос фразу из старого анекдота:

– Да не будет лейтенанту ничего, не волнуйтесь – ни шашки ему, ни бурки, ни автомобиля, ни сданных зачетов.

Вдруг на «Вытегре» раздалось пять протяжных звонков. Это на корабль прибыл комбриг. Заметив вытянувшегося перед ним Волынского, комбриг горестно вздохнул и почти благодушно укорил его:

– Ну вот, как что не так – так сразу к начальнику штаба флотилии. Никого ближе – не видим! Сами могли бы разобраться!

– Вы меня и слушать не стали! – храбро ответил Сэм.

– Дежурный, строить бригаду по большому сбору! – приказал комбриг, пропустив реплику Сэма мимо ушей. Стоявший рядом с ним командир дивизиона обиженно молчал, уже получив свой «фитиль до места» от самой души начальника и многозначительные обещания нетрадиционного общения с ним. Теперь он демонстративно игнорировал Волынского. Еще бы! Фитиль еще дымился!

«Наверное и ему перепало!» – справедливо предположил лейтенант.

– Вы бы еще к командующему флотом сходили – это рядом. Наискосок, через залив! – «посоветовал» комдив, вложив в эту фразу весь доступный ему сарказм.

Тем временем построились все экипажи, офицера штаба. Под руководством командира бригады началась перегрузка продуктов с тральщика на разъездной белоснежный катер командующего флотилией, стоявший на соседнем причале. Ухоженный и сияющий, как игрушка, он стоял и укоризненно покачивал мачтой. Командующий флотилией был где-то в отъезде и начштаба распоряжался за всех.

Похищенные продукты, как ни странно, тоже вернули – комбриг нашел волшебные слова для командира тральщика, на котором они были временно складированы.

Матросы тащили мешки с крупой и картофелем, ящики с консервами и овощами, свиные туши, коробки с «синей птицей» (так тогда называли пайковых кур, шкура которых отдавала

какой-то потусторонней синевой). Все это аккуратно загружалось на катер, укладывалось и закреплялось на верхней палубе. Офицеры и мичмана строго контролировали, чтобы ничего не ушло «налево».

Комдив выделил несколько матросов для разгрузки, опытного штурмана на для управления катером на ходу и маршу по заливу. Тотчас катер отвалил от причала, помчался к заводу, тащил за собой бурун на уровне юта.

Без малого час хорошего хода, и уже швартовались к доку. Там стоял, пригорюнившись в ремонтной дреме, отсыревающей на морских ветрах, тральщик Сэма.

На причале был выстроен весь экипаж во главе с командиром, там же находился замкомандира дивизиона по политчасти Горнов, которого направили сюда с задачей разобраться и навести, наконец, хоть какой-то порядок. Он думал, как-то сомневаясь, – заехать Александровичу по лицу прямо сейчас, или дожидаться ночи.

Сказать, что командир БТ-117 был поражен успехом Волынского, это очень мало. И надо было видеть, с каким восторгом матросы таскали продукты на корабль! Наконец-то у них будет еда! И завтра она тоже будет! – читалось в их мальчишеских глазах. На нового помощника команда смотрела снизу вверх, с верой и уважением.

Сэм облегченно вздохнул. Плевать, что на него будут обижаться! Плевать, что теперь наверняка будут вставлять ему там и сям палки в колеса, уделять самое повышенное внимание его промахам за сор, вынесенный им из избы! Он обещал матросам продукты и он выполнил свое обещание. Вот они, продукты, в провизиях. А как закончатся – будут еще. Он спохватился, что не поблагодарил начальника штаба флотилии и поклялся себе самому страшной клятвой, что сделает это при первой же возможности.

За какие-то неполных два часа Сэм испытал и полное отчаяние, и безнадежность и... форменный триумф!

А все благодаря случаю, который свел его в добрый момент с начальником штаба.

А действительно, он знал «пару волшебных слов» большой мощности! Как Золотая рыбка! А то – и покруче вышло! Иначе бы...

– Да, – вслух подумал Сэм, – как хорошо быть генералом! Вот мне бы так!

Стих третий Капитан «шнурка»

Все со временем утряслось и встало на свои места. Волынский втянулся в службу, получил выслуженное им звание старшего лейтенанта, проставился – как положено, накрыл «поляну», не скромничал.

Сменился штурман, распущенные «годки», с которыми он воевал насмерть, мстил неразумным хазарам, как мог, создавая уставной ад в одном отдельно взятом кубрике. Потом поняли друг друга, лучше напряженный мир, чем перманентная война – к обоюдному удовольствию. А теперь они ушли домой – к моральному облегчению обеих сторон. Бойцы, которых он воспитывал и защищал от оборотов с самого начала службы, уже оперились и стали его опорой, подымали носы. Но – с оглядкой... Сэм сразу отслеживал такие происки и провокации!

А служба шла своим чередом... Календари листались, часы перешелкивали даты. Сэму казалось, что темп жизни как-то ускоряется. Кто его знает?

Тральщики шли кильватерной колонной, вытягиваясь из Кольского залива. Над ними летели свинцово-серые рваные облака, восток полыхал багряной зарей, обещая сильный ветер по старой моряцкой примете.

Уже и сейчас легкие, плоскодонные корабли заметно покачивало, и Сэм морщился, чувствуя в животе очень неприятные ощущения. Качку он переносил не очень-то здорово, хотя

давно уже вроде как и прикачался. Но и сейчас, не то, чтобы побаивался, но предпочел бы обойти, но куда денешься? Однако, в Баренцевом море штиль – редкость.

Как в песне:

Шёл кораблик плоскодонный
То есть – вовсе без кия
И несло над хлябью сонной
То и дело – Ё... ть, и бл...

(В. Жарский, «Рубаи из прочного корпуса»)

Семен старался не отвлекаться от моря и корабля, внимательно следил за дистанцией до головного корабля, за флажными сигналами.

Он одернул сигнальщика, явно клевавшего носом, заставил его проверить флаги в ящике, набрать необходимые в самом ближайшем будущем сигналы.

Его минеры приводили в порядок ют, который вчера легкомысленно, словно художники-авангардисты, вдоль и поперек, жирным, приставучим тавотом, при получении и установке нового трала.

Кроме обычной рутины сегодня нужно было выполнить артиллерийские стрельбы и закрыть план сдачи задачи. Сыграли боевую тревогу: – корабль к отражению нападения воздушного противника приготовить!

– Семен Геннадьевич, а скажите мне, зачем тральщику тридцатимиллиметровые пушки? – спросил командир.

Тот пожал плечами и стал четко излагать положения корабельного тактического формуляра по артиллерии.

– Нет, неверно! – развеселился Александрович: – Для того, чтобы он смог отдать прощальный салют, когда его будут поднимать на палубу авианосца!

Сэм обреченно вздохнул – тоже мне шутка, ей лет 100 уже. Не ржавеет, сволочь!

– Корабль к выполнению артиллерийской стрельбы изготовлен! – доложил Сэм.

– Принять целеуказания! С приходом цели в зону поражения – уничтожить! – скомандовал командир.

Приняли целеуказание по условной воздушной цели.

– Орудия – правый борт 90!

– Цель в зоне поражения!

– Огонь! – скомандовал Сэм. С кораблей уже раздавались орудийные очереди, как будто рвали ткань. В небе расцветали черные цветы разрывов.

Ударило баковое орудие. Очередь, другая... А вот кормовое...

– Кормовое, огонь! Мать твою так! – рявкнул он изо всех сил.

И орудие открыло огонь.

– Комендорам – на ходовой! – прогремело из динамиков ГГС.

У провинившегося командора под левым глазом медленно, но уверенно наливался красной свежий фингал.

«Еще день-два, аккуратно к возвращению в базу, под светлые очи комбрига и начпо – он аккуратно будет празднично и весело переливаться и светиться всеми цветами радуги!» – уверенно заключил Сэм.

– Ну и что? Откуда снаряд «Айовы» «прилетел? – насмешничал командир, облокотившийся на пилорус.

– Да я забыл снять с предохранителя, а мне вот подсказали... – смущенно ответил матрос.

– И кто же у нас такой просвещенный?

– А я не заметил! – нагло ответил боец. «Так, надо запомнить этого орла! И на досуге, обязательно, перья-то ему повыдергаю! А то может та-а-кое из него вырасти!» – пообещал Сэм сам себе.

– Душу выну! – вмешался командир. – Я и без тебя автора узнаю, обормот! Поймешь у меня, как родину любить! Станем на якорь – весь ют от тавота до блеска отчистить! Лично! Проверю! Мне не надо, чтобы вы устали! Мне надо, чтобы работали! Старшину минной команды ко мне! Семен Геннадьевич, вот чую остатками своей бедной печени – сей пейзаж сотворил кто-то из ваших минеров, больше некому! Иначе я съем свою шапку без кетчупа!

Шапку есть не пришлось – старшина пришел виниться сам, прикинув, что так дешевле обойдется. Корабли шли выполнять задачу обеспечения высадки десанта, для чего надо было расчистить подходы к берегу от противодесантных и минных заграждений. Вот для этого за кормой их корабля тащился на бакштове «шнурок», подпрыгивая на волнах, как мячик. «Шнурок», или на официальном языке «катор-шнуруокладчик», это такая несамоходная, буксируемая посуда из маломагнитного алюминиевого сплава. По форме его корпус был близок к скорлупе грецкого ореха и «шнурок» весело болтался даже на самой шадящей волне, исполняя безумный пиратский танец «Веселого Роджера».

На «шнурке» была смонтирована здоровенная выюшка, на которую наматывался подрывной шнур. Это такая толстая и длинная-длинная «колбаса» из желтой синтетической плотной материи. Зачем? А в этой шкуре килограммовыми шашками были размещены несколько тонн мощной взрывчатки «морская смесь». Если этот шнур уложить в нужном месте и рвануть, то сила взрыва заставит детонировать все мины, находящиеся даже на большом расстоянии от взрыва. А если они и не взорвутся, то ударом взрывной волны будут покалечены все датчики, все внутренние приборы в минах, да и сам корпус сомнет, как трактор ржавую банку. И проход станет безопасным.

Предстояла интересная работа – надо было передать шнуровой заряд с плавучестями и радиобуем на специальный вертолет, а он его должен отбуксировать к берегу, там его сбросить и, затем вовремя смыться подальше после того, как Сэм замкнет схему на отделение якоря радиобуя и... волны поднимутся до самых небес!

Вышли в заданный район. Волынский перебрался на шнуруокладчик, танцевавший на волнах, сам себе аккомпанируя плеском волн по гулкому пустому корпусу в ритме там-тамов.

Сэм рассказывал по нему с носа до кучей кормы, осматривая выюшку, мотки заряда. Смотрелся он живописно – в щегольской фуражке, в шинели с белым шелковым шарфом. С морского тральщика начали орать, чтобы он проваливал оттуда к этой самой маме, пока его не сбросило и не утопило.

В это время конец шнурового заряда со всеми плавучестями и подрывными гидростатическими приборами были поданы на подлетевший вертолет.

Опытные летчики подхватили его и шнуровой заряд отделился в точно заданном месте с эффектным подрывом.

Через некоторое время поставили шнуровой заряд, снарядив дублирующий узел подрыва. Когда же корабли отбежали на безопасное расстояние, в установленное время заряд подорвался. По корпусу как будто врезали здоровенным молотом, да так, что все забортные сальники стали сочиться водой. А шнурок выкинул такое «па», что чуть было не совершил акробатическое сальто-мортале.

Вода закипела от бешеного взрывного давления. На поверхность поднялись ил, водоросли, черная муть. А потом множество серебристых пластин, блистающих среди волн, сверкающих в скупых лучах солнца. Это всплыла рыба. Оглушенная морская рыба всплывает на поверхность на очень короткое время. А потом безвозвратно и бесполезно тонет.

С кораблей мгновенно были спущены шлюпки, которые полетели к всплывшей рыбе во всю мощь азартных гребцов. Вооружившись экологическими сачками и ведрами, бойцы соби-

рали рыбу. Ее было много и всем хватило. Постепенно шлюпки заполнялись рыбой, да так, что от планширя до гребней волн было не больше полуметра.

На шкафуте уже стояли громадные камбузные лагуны, в которые разгружали эту нечаянную добычу. Надо было быстрее успеть на второй заход за добычей, как требовал рыбацкий азарт.

Умельцы-коки делали из этой рыбы – кроме всего прочего – нежнейшие котлеты, смешивая рыбный и жирный свиной фарши, щедро добавляя лук, чеснок – у кого был. Треску – её еще называют «морская курица», за нежный вкус, варили, запекали и жарили, на обед, на ужин, вечерний чай и завтрак. Свеженькая треска, если ее не испортить, как курятина, а то и, на любителя, даже лучше. Испортить приготовлением ее было трудно. Впрочем, честно сказать, некоторым народным умельцам-кокам это, все-таки, удавалось! И, странное дело, свежая рыбка не приедалась, пока не съедали последнюю тушку трески.

Корабельный кот тоже находился в состоянии постоянного переедания и благодушной лени, да так, что наглые крысы воровали куски рыбы из-под самого носа кота, прямо из его священной миски.

Однако, ветер усилился и тральщики получили команду укрыться за мысом Кильдин-Восточный.

Семен Волынский вновь оказался в центре событий. На этот раз – против своей воли.

Их тральщик подходил к «Минеру», который уже стал на якорь. Подали на него бросательный, вполне грамотно. С морского стали быстро выбирать конец, но уже у самого борта, замешкались, отчаянно мешая друг другу.

Кто-то поскользнулся, упал на колено, бойцы выпустили конец и толстый швартов ухнул в воду. И в этот самый момент, вот не раныне-не позже, командир решил подработать машиной. Звякнул машинный телеграф, рыкнул дизель. По недреманной теории подлости, конец попал под винт, его моментально затянуло в воду и намотало на вал и латунные лопасти. Послышался громкий удар. Корабль даже ощутимо вздрогнул. Из трубы пошел черный дым и машины встали. На палубу вылетел взбешенный механик, жажда чей-то крови прямо сейчас. Бочками! Он всерьез опасался за линию вала, дейдвудный сальник и подшипники.

Швартовый Конец с выюшки круто уходил под воду в сторону кормы.

Командир сразу же назначил виноватых: Сэм был командиром ютовой швартовой команды, которая и упустила швартов в воду. Правда, при самом деятельном участии в этом позоре швартовщиков с «Минера». Но на них юрисдикция командира никак не распространялась.

– Ну, что, Семен Геннадьевич, берите легководолазное снаряжение, бойцов из трюмной команды... ну, тех из них, у кого есть допуск к водолажным спускам и – вперед! Делать-то нечего. Надо освобождаться от удавки на нашем валу.

– Я не полезу! Там акулы всякие, опять же касатки огромные, размером со слона, шныряют...

– Да они на людей-то никогда не нападают! – возразил командир.

– А почему их американцы зовут «кит-убийца»? Не все касатки прониклись уважением к человеку? А до них кто-то доводил, что они людей не кусают? Под роспись, а? – огрызнулся Волынский.

– Да мало ли чего супостат придумает? Америкосам вообще никакой закон не писан, балбесы напрочь зажавшиеся! Ты что, веришь этим наглым империалистам? – возмутился командир: – Ты, Сэм, запомни: на Севере нет ни змей, ни акул, ни волков. Сплошная благодать! Касатки на человека тоже не нападают, они китов, моржей и тюленей метелят. Нерпы и морские зайцы тебе не опасны, а зубатки, согласен, злыдни дикие, придурочные, если и есть, то глубоко на дне... Так что – влезайте в свои гидрокombineзоны, проверяйте баллоны и – вперед! Да побыстрее – баллонов мало, а наш компрессор медицинского кислорода не выдает! На одной

ноге мы просто не дойдем! И да прибудет с вами Нептун... или Посейдон, давно мифы не читал. А лучше – оба! Ибо на одной «ноге» притащиться в бригаду – чистый позор, да и ежели шторм, то нам достанется...

Командир БЧ-5 лично обеспечивал спуски водолазов, а Сэм, старшина трюмных и еще один боец спускались по очереди, подбирались к правой линии вала и, кусок за куском, водолазными ножовками, отхватывали куски пропиленового швартового конца.

Трос пружинил под пилой и резаться не хотел. Он намертво обхватил вал и винт, и уютно там устроился.

Сэм вдруг стал ощущать боковым зрением, а, может быть, и шестым чувством чье-то постороннее присутствие. Он повернулся в сторону и увидел длинную тень, как силуэт истребителя, теряющуюся в темно-темно зеленой воде на фоне дна. Какая-то большая рыбина вертелась около них, хватая падающие вниз разлохмаченные обрезки троса. Иногда эта рыба толкала Сэма под руку, переворачиваясь на левый бок, и так проскакивая за его спиной, играючи.

Может, она хотела его тяпнуть, но прорезиненный толстый водолазный комбинезон явно был невкусным. И отвратительно вонял новой резиной.

– Пошла прочь, килька пережравшая! – озлился Семен и стукнул, уж как мог, эту кильку ножовкой по носу, вложив удар всю злость. Озадаченная крупная рыба стрелой унеслась прочь.

Наконец, последний кусок троса ушел вниз, опускаясь по спирали на темное дно. Водолазов подняли наверх. Освобождаясь от гидрокombинезона, усталый Сэм услышал восторженные вопли матросов, живо обсуждающих что-то.

Заурчал правый дизель, механик запрашивал «добро» на пробные обороты.

Он прислушался. Оказывается, когда Волынский изображал Ихтиандра, освобождая маленькой пилой свой корабль от пропиленового змея, вокруг корабля сновала акула, разрезая волны метровым спинным плавником. Этот треугольный плавник, как парус яхты, видели все бойцы. Они даже его пытались фотографировать, закидывали крюки с насаженными на них рыбьими головами. Но тщетно! Хищник, видимо, был сыт и чихать хотел на всякую приманку.

Сэму стало как-то нехорошо. Откуда, какая такая акула взялась на его бедную голову?

А через пару дней ему принесли вполне приличные фотографии акульего плавника на фоне бортового номера «Минера».

– Н-д-а-а! – только и смог сказать Сэм. Опустили по плавнику сельдевую акулу. При первой же возможности (Бог его знает, когда случится вторая?) он пошел в библиотеку и прочитал ряд статей про фауну Баренцева моря и Кольского залива. Черт возьми! Оказывается, сельдевые акулы здесь были совсем не редкость и еще в девятнадцатом веке ловля акул и продажа их шкур, плавников и зубов составляла значимую статью дохода жителей города Кола. И, оказывается, даже в наше скудное время рыбаки нет-нет, да и вылавливали экземпляры до двух метров.

– Ну, Александрович, погоди! И на моей улице перевернется арба с арбузами! И мстя моя будет, пусть и не страшной, но очень памятной! Будешь ты у меня бредить и в поту просыпаться! Это блюдо надо подать холодным! Из морозилки прямо! – сказал он и затаил лютую обиду. Нет, конечно, спасти свой корабль он бы все равно полез, куда денешься! Зря, что ли он инструкторов по водолазному делу мучил? И на УТС тоже не просто время убивал, да? Но зачем своего ближайшего помощника «разводить», как последнего карася?

И с тех пор уже Сэма никто не мог заманить под воду никакими коврижками! Скоро корабль снова вышел в море и встал в точку дозора. Про свою обиду, при всей доброте характера, Волынский не забыл. Но...

Но... командир, оно понятное дело, лицо неприкосновенное и святое. А помощник должен блюсти авторитет своего кэпа! Но кто говорит о лице? И других деталей у командира хватает! А если его авторитет – настоящий, то его черта с два уронишь! Кажется, так?

Если мы очень хотим сделать не очень красивое, с точки зрения морали, дело, мы всегда сможем подогнать под его мотив благородную базу! Разве – нет?

Во время стоянки на якоре, по обычаю занимались рыбалкой. Это и времяпровождение и кое-какое разнообразие камбузного меню. А Семену попался на «дуролов» здоровенный краб. Бывает! Когда его занесли и бросили в офицерский коридор, размах его лап вполне соответствовал его ширине. И видок у него был устрашающий! Он шевелил своими клешнями, перебирал шипастыми лапами, таращил глаза на усиках и вообще...

– Ага! – сказал сам себе Сэм – я знаю что с ним делать! Я как-то говорил о холодном блюде? Так холоднее некуда!

К вечеру тральщик должен был сняться с якоря и зайти в базу для пополнения запасов. Командир корабля надеялся выклянчить у комдива сход домой к молодой жене, хоть на пару часов. А посему, он приказал командиру БЧ-5 запустить вспомогательный котел и подать пар в офицерский душ на полчаса.

– А остальные офицеры и мичмана будут мыться в базе! – громогласно объявил он и пошел в душ, завернувшись в простыню и размахивая, словно полководец – жезлом, пропиленовой мочалкой модельно-фигурной вязки. Плетение мочалок из обрывков пропиленового троса – это тоже был способ полезного убийства времени. Даже конкурсы на лучшую мочалку проводились. Но это уже во время длительных боевых служб в море и автономок. Этим искусством владели многие «рукастые» мичмана и офицеры, и матросы.

Офицерский душ на тральщике был крошечный, с квадратный метр. Александрович включил свет, повесил простыню на крючок, включил воду и стал регулировать температуру.

Вдруг, прямо под ногами он почувствовал что-то холодное, жесткое и колющее. И это отчаянно шевелилось! А пар уже заполнил маленькую кабинку, и что-то рассмотреть было трудно. Александрович присел, присмотрелся и увидел... огромного, со средний тазик (на флоте его называют «обрез») таракана-мутанта! Размахивая клешнями, он нагло лез на него из-под деревянной полки.

Командир заорал, как укушенный зулус, вылетел в коридор в естественном виде, сорвал с ближайшего аварийного щита какой-то инструмент и кинулся в бой, размахивая им, как копьем. Выкрикивая боевые девизы на чистом командирско-матерном наречии он быстро мобилизовал пол-экипажа.

Бедный краб пал в сражении! Штурман отнес его на камбуз и там его сварили и принесли в кают-компанию к вечернему чаю.

Александрович успокаивал свою нервную систему, сидя в каюте. Говорил, что пил исключительно валерьянку, но Сэм в это лекарство не верил.

Александрович закрылся в каюте и, вернувшись в Полюсный, на сход не пошел. Он сидел у себя, как в скальном замке, до глубокой-глубокой ночи листал какие-то учебники. Командир так и не нашел того, кто перенес бедного краба в душ. Это мог сделать любой – времени для этого совсем не требовалось. Он долго дулся на офицеров.

Только механик как-то сказал Сэму, что месть – это производное от гордыни. Но Волынский никогда набожным не был, и почему-то был уверен, что уж этот-то грешок ему простится. Не такая уже и гордыня, подумаешь!

Стих четвертый

Сэм и исторические раритеты

Тральщик шел на восток, зарываясь форштевнем в набегающие волны, кивая каждой из них своей рубленой надстройкой. Командир и Волынский вглядывались в горизонт, пытаясь разглядеть там предмет, хоть издали похожий на плавающую мину. Молодой, но знающий штурман Серик Мурзин старательно выводил корабль в точку, где рыболовный траулер обна-

ружил «предмет темно-синего цвета, похожий на плавающую мину». Перепуганные рыбаки там даже обрывки минрепа разглядели!

Серик сверяясь со своими таблицами, прикидывал и вероятный угол сноса, "плавающего предмета", и упреждающий курс в вероятную точку встречи.

– Пожует – увидим! – спокойно сказал Александрович, разглядывая море.

Но, кроме волн, переливающихся на солнце, ничего видно не было.

Командир даже объявил награду сигнальщикам, которые первыми обнаружат мину. Ни Сэм, ни сам командир в мину не верили, хотя и хотелось. Все-таки – «мужские игры на свежем воздухе», а офицеры были молоды и, представьте себе, любили свое дело! А вдруг? И хотелось сделать свое дело красиво! Чтобы и запомнилось, и похвастать было можно, не превирая! Ну, почти!

И вот, наконец, сигнальщик издал радостный вопль и заорал: – Пеленг 70, плавающий предмет!

Все шарахнулись на левый борт.

– Помощник! Боевая тревога! Кормовую артустановку к стрельбе по плавающей мине изготовить!

Мину, сорванную с якоря в каких-то неведомых просторах моря положено было расстрелять из артустановки. Если это мина, конечно.

Подожли поближе, рассматривая предмет в бинокли и в визир «Тромбона». Естественно, это была не мина! Который уж раз рыбаки «тренировали» миннотральные корабли плавающими бочками.

Вдоль побережья Баренцева и других северных морей, на больших и малых островах было много маяков, постов, разных метеостанций, воинских частей и научных станций, типа орнитологических. И все они получали топливо и масло в больших двухсотлитровых бочках. Пустая металлическая тара накапливалась, сваливалась кучами на берегу. Вывозить их на материк – себе дороже! А шторма у нас, особенно зимой, бывают еще те!

Бешенные волны бросаются на берег, забегая в глубь побережья, на песчаные отмели и утаскивают за собой, все что попадет. Вы не поверите – даже приличные камни и тяжеленные ржавые остовы старых судов, казавшихся вечными в этих пустынных местах. И, в том числе, и бочки, которые потом бродяжничают по волнам годами, пока их вновь не выбросит куда-то на осушку, или не засунет ее меж острых камней, не разобьет об камни.

А моряки опасаются мин, еще с самого начала века. Мин было установлено в море великое множество, никто не знает – где и сколько! И до сих пор гремят взрывы, рвущие обшивку кораблей и судов.

Эта же была просто бочка. Обычная бочка, просто немного вздутая. Командир решил ее утопить – иначе нет гарантии, что не придется бегать за ней по морю еще раз. Как минимум.

Потренировали комендоров, постреляли. В основном – в белый свет, аки – в копеечку! Попадешь в нее, как же! Прямо сейчас! Эта хитрая гадина подпрыгивает на волнах, то прячется за гребнями. Корабль тоже всю качает, и вовсе не в такт наглым прыжкам чертовой бочки! Комендоров всенародно осмеяли. Рукой подать, мишень – с корову, патронов – ящик, и – в белый свет... ага, уже – было!

И Сэм предложил старый, дедовский метод. Надо спустить шлюпку, подойти к бочке, навесить на нее подрывные патроны и ка-а-ак рвануть! А все это оформить как учение по уничтожению плавающей мины. На обратном пути Сэм сам же все и оформит. А кто еще?

Так и порешили.

– Аврал! Шлюпку – на воду! Подрывной команде – в шлюпку!

Лебедка взвыла и шлюпка уже на воде. Шторм-трап полетел за борт. Еребцы из минеров быстро попрыгали в нее, разобрали весла и расселись на банки. Сказались тренировки Сэма. Сам минер занял свое место на корме и взялся за румпель.

Подшли к бочке. Сэм решил показать своим бойцам, как надо это правильно все делать на практике.

Сближались с «миной» осторожно, будто и впрямь в ней дремала смерть. По приказанию Волынского, матросы делали маленькие, тихие гребки. Сам он и его старшина расположились на корме шлюпки, а Сэм даже свесился с нее, лег на заспинную доску, осторожно пристраивая на бочке подрывные патроны. Ему было сложнее – на настоящей мине всегда есть, за что зацепить подрывной заряд. А бочка была ровная, зараза, и гладкая. Он извернулся и все-таки прицепил заряд за пробку, еще и обвязал по кругу стропой из сигнального фала. Затем, укрепил детонатор и полуметровый огнепроводный шнур.

Сэм закурил папиросу. Дело в том, что минеры давно минувших лет при подрыве плавающей мины закуривали папиросы или сигареты. Причем, даже не курящие в обычной жизни. Вся штука была в том, что тогда у мины торчали во все стороны «рожки Герца». Этот самый Герц придумал такие взрыватели с мягкими свинцовыми колпачками. При навале или ударе колпачок сминался, ампула с электролитом внутри раздавливалась. Образовывался электроток и... Так вот, чтобы этого самого навала не случилось, старший минер в шлюпке одной рукой отталкивал мину, не давая шлюпке на нее навалиться, одной рукой держал огнепроводный шнур (его еще бикфордовым тогда звали) и поджигал его от огня папиросы. Русские офицеры курили, в большинстве своем именно папиросы – по примеру своего императора. А потом гребцы изо всех сил налегали на весла, а минер считал секунды. В нужный момент все бросались на дно шлюпки и гремел взрыв. Тут еще штука была в правильном выборе дистанции. Ближе остановишься – взрывом достанет, опрокинет, оглушит. Далеко – получишь осколки и пополам с водой на свою голову. Умное это дело – быть минером! Заздря флотская молва нас подкалывает!

И Сэм все выполнил, как учили. Вот только водой все равно окатило! Рвануло сильнее, чем Волынский ожидал. Видимо, в раздувшейся бочке скопились какие-то газы.

Бойцы были довольны – настоящее дело с настоящей взрывчаткой. Будет, чем похвастаться перед братвой в базе! А потом – и дома, после долгожданного ДМБ! А про то, что это была простая бочка, а не мина – можно и промолчать. Никто за язык-то не тянет!

Только подняли шлюпку на борт, только штурман рассчитал курс в базу, как ожил приемник и голосом оперативного дежурного передал приказание следовать к острову Гирвас, там оказать помощь местному гарнизону. Они там пытались своими силами уничтожить мину, выброшенную на берег. Рванули. Мина – целехонька, заряд только корпус слегка проковырял. Дилетанты хреновы! Командование уже клюв кому надо начистило. Кому не надо – тоже... Теперь надо довести дело до ума, а то, неровен час, детки доиграются... Александрович только матерился на весь ходовой пост. Это было совсем рядом с ними, какой-нибудь час средним ходом, и он был железно уверен, что эта мина – родная сестра их бочки, только что эффектно отправленной на дно с порванным боком. И тогда, какого же такого огородного корнеплода...

Но пошли. Военный корабль в море – это совсем не то место, где обсуждают приказания и ищут уважительные причины, чтобы перевалить неудобное дело на кого другого. Не тот случай!

Нет, ругаться и искренне желать начальству диарею, критические дни всем их законным и незаконным женщинам во время редких свиданий – можно, не возбраняется! Но и только. Это еще никогда не мешало выполнению заданий.

К тому же, все, как вполне нормальные люди, понимали – лучше рвануть старую бочку, чем старая мина рванет под чьим-то судном.

Подшли к острову, опять спустили шлюпку, быстро-весело подскочили к месту с указанными по радио ориентирами. Местные борцы с минной опасностью еще и фальшфейер зажгли. Но и так бы не промахнулись.

Сэм вышел к матросам размещенного здесь поста, собираясь вдоволь над ними поиздеваться с высоты своей минной подготовки. Он глянул на запачканных в глине и песке матросов и офицера, как выпускник на первокурсников. Тем более, оперативный успел рассказать, что командир местной роты – из «военнопленных». Уже открыл было рот, чтобы выдать бессмертно-убийственную шутку, как вдруг его взгляд упал на большой цилиндр из меди или латуни. Сейчас он был зеленый от окиси. Только в месте, где, по всей видимости, грянул взрыв, корпус был цвета красной меди. На нем были закисшие круглые горловины, закрывавшие приборы.

Рот закрылся сам собой, а под ложечкой неприятно заныло. Он нервно сглотнул вдруг пересохшую, словно в песчаной буре, слюну. Семен вспомнил морской музей и его экспонаты. Вот он! Только не экспонат! А весь антураж вокруг на музей никак не смахивал... Живая история! Которая кое-кого из любопытствующих вполне может сделать и мертвым.

– Дела-а-а! – только и смог сказать Семен. Он озадаченно сдвинул пилотку на затылок. Это действительно была морская мина! Скорее всего – английского производства времен первой мировой войны. Воюя с Красной флотилией на Северной Двине, англичане со своих кораблей всю ставили мины против речных пароходов, кое-как оборудованных сухопутной артиллерией. Великая война-то кончилась, а мин этих осталось до елкиной мамы... да, много, очень. Здесь же были опробованы первые электромагнитные мины, а при разминировании специалисты Красного Флота впервые сконструировали электромагнитные тралы и применили их вовсе не без успеха.

Слышать-то об этом Сэм слышал, и даже читал чью-то монографию об английских минах, которые долгое время еще выносило в Белое море до самой Иоканьги. Но вот «живьем» сталкивался впервые.

Подорвать ее было не просто – БЗО (Боевое Зарядно Отделение) находилось у этой мины снизу, а сверху была емкость, придающая положительную плавучесть. И чтобы заставить ее сдетонировать, надо очень извернуться, даже обладая хорошими специальными знаниями и кое-каким практическим опытом подрывов.

На это ума и знаний у «аборигенов», понятное дело не хватило. Сэм осмотрел конструкцию. В развороченном боку, через рваную дыру были видны какие-то мешочки, надо полагать – целлулоидные, и, видимо – со взрывчаткой, (нет, – с пряниками, ага!) Судя по времени изготовления этого чуда техники – еще что-то из пироксилиновых порохов, или дремучего лиддита, (припомнил Волынский название одной английской взрывчатки, из самых первых – Взрывчатка такая, производилась в городе Лиде. Она же мелинит. Она же «шимоза», но уже у японцев. Применялась в английской армии еще с англо-бурской войны).

Она тоже впервые использовались для начинки мин, торпед и снарядов. До этого применялись разные пороха. Когда эти мешочки «спекались», а пороха темнели – взрывчатка становилась опасной сама по себе. И почему ее не убедил предыдущий взрыв – непонятно!

Мина, вся заросла ракушками, бородой водорослей. Была у минеров такая мифологическая примета – мол, если заросла – значит опасности взрыва нет, а если всякие водоросли и ракушки на ней селиться не хотят, то, значит, жди сюрприза. Но за семьдесят-то лет зарастет моллюсками сам Аид вместе с Плутоном. Взрывчатка со временем должна потемнеть, поляризоваться в общую массу и стать опасной...

Как быть? Корпус был толстый, можно его еще раз покорежить или сделать в нем еще одну дыру. А надо разнести ее на кусочки! Разнести на кусочки? – повторил он вслух. И тут Сэму вдруг пришла идея. Просто сама собой!

Вдвоем с офицером, через пробоину в корпусе они залили «англичанку» водой доверху. Вода не сжимаема! Это мы все знаем, однако, в большинстве своем выводов не делаем. А взрыв в воде многократно повышает давление, и ударная волна получалась мощнее в пять раз, снося все на своем пути.

Вот поэтому Семен сунул в отверстие один подрывной патрон, затем – второй, вставил детонаторы, подсоединил огнепроводные шнуры. Местных аборигенов и своих бойцов он убрал подальше – чтобы осколками не посеколо или сорвавшимися скалами не подавило. Вообще матрос не зря полосат – это сама природа предупреждает командиров – будь бдителен, если матросы у тебя под носом, и дважды – если они вдруг оказались вне поля твоего зрения. Говорят, полосатая окраска зверя не только маскирует его, но и предупреждает окружающих об опасности! А что? Тигры, осы и матросы...

Сэм последовательно поджег шнуры и сам удрал за дальний высокий мысок, и упал на светлый, чистый песок.

Ох, и рвануло! Эхо еще долго гуляло по острову, отражаясь от отвесных скал. Кустарник напротив мины скосило осколками. Рухнули и сползли вниз большие обломки скал и пласты земли.

От самой же мины не осталось ничего! Разве что воспоминания. Воняло сероводородом, огромная воронка уже заполнялась морской водой.

Местные аборигены были обескуражены эффектом, и тем как старший лейтенант на ходу, по-быстрому разобрался с этой миной.

Командир роты представил на минутку, что могло бы быть, если бы они, наконец, доковыряли «англичанку». И что было бы, если он и его бойцы залегли бы просто за бугорком, а не за мысом, куда их матюгами и пинками отправил «пришелец». Бугорка просто не было! Сверху сыпался песочек и камешки. И вообще, бухточка стала просторнее! Он зябко поежился.

– Класс! – сказал Сэм, удовлетворенно улыбнулся и оглядел дело рук своих. Он снисходительно кивнул местному начальнику: – Ладно, не переживай. Все пройдет! Послужи с мое, научись!

– Бойцы! – крикнул он, – в шлюпку! Чешитесь живее! Они уже дома, а нам еще топать и топать!

Провожая, им вынесли несколько увесистых живых крабов и большую сетку свежей рыбы. Не жалко! Отказываться не стали – затем обижать добрых людей? Да и вроде как заработали! Как там сказано: честным трудом, в поте лица своего!"?

Через полчаса тральщик уже весело бежал домой, прожигая свои застоявшиеся главные дизеля. А на вершине сопки над островом вращалась, поскрипывая ревматическими подшипниками, антенна РЛС. Пост вновь заступил на боевое дежурство.

То есть – призванный из запаса на два-три года после окончания профильного института с военной кафедрой

Стих пятый Ефимовец Сэм

*Командир, визжа и изгаляясь,
по-кавалерийски машет саблей
Бог простит! А опыт позволяет
Наступать уверенней на грабли.*

(В. Жарский, Рубаи из прочного корпуса)

Когда-то давно, у флота было много баз, гарнизонов и гарнизончиков, разбросанных по всему изрезанному губами-заливами побережью Кольского полуострова. Тогда система базирования была основана лишь на военной целесообразности, исходя из реалий и военной доктрины того времени, определяемой историками как «холодная война». Что, мол, ежели да коли что, то останется хоть что-то, что сможет сражаться.

«Помни войну!» – эти слова адмирала С.О. Макарова были на видном месте в почти в каждом гарнизоне.

Это сейчас флот сжался, словно шагреневая кожа, вокруг крупных – по нашим меркам – городов, по экономической целесообразности. И все строится только исходя из постулата, что войны не будет. Хотя бы потому, что ее нам очень не хочется. И даже самое высшее военное руководство внушает: – Ребята, войны не будет! Иначе мы опять окажемся к ней не готовы!

А если кто-то в это не верит (не должен военный иметь такую психологическую установку!) – тех вышибают на «гражданку», с треском или потихоньку. Странное время... Дай-то Бог! Но не все в этом мире зависит от нашего желания!

Тогда в этих гарнизончиках, на этих базах служили тысячи людей, ежедневно выполняя свою нелегкую работу, «преодолевая тяготы и лишения. Они были объективны и реальны. Эти тяготы, их хватало. Но были и искусственные, порожденные разгильдяйством и непрофессионализмом начальников и служб обеспечения. Они прикрывались этой уставной фразой, снимая с себя ответственность. Так было...

На одной из баз хранения вооружения и материальных средств, расположенных в живописном уголке полуострова, в глубине одной из губ с поморским названием, начальником отделения хранения минного оружия служил капитан-лейтенант Волынский по прозвищу Сэм. Попал он сюда не совсем по своей воле – прослужив помощником командира тральщика, и уже сдав часть командирских зачетов, Сэм совсем было собрался будущей осенью в Питер на командирские классы. Командование само предложило ему направление, отобрав из многих кандидатур именно Семена.

– Достоин! – сказал комдив, и одобрил: – Учиться, учиться и еще раз учиться – это ты хорошо придумал! Это всегда намного лучше, чем работать, работать и еще раз работать!

Сэм с этой теорией был согласен на все сто, и уже начал готовиться к суровой учебе в любимом им Питере.

Но тут он расстроил свое здоровье, не слезая больше суток, точнее, 40 часов с хвостиком, с мостика, заливаемого штормовыми волнами. Оно бы и ничего, дело-то обычное, да сутки эти пришлось на такой собачий холод, что птицы падали на лету! А еще и встречный ветер, пробиравший до ломоты костей! У него хватило ума не утеплиться должным образом... Начал на элементарную осторожность и она ему отомстила – да так, что обычным насморком не обошлось. Прямо, как типичная женщина – уж если ты ей хоть раз пренебрег – тебе этого никогда не забудут. И получишь по-полной, рано или поздно, в самый неподходящий момент "ножом из-за угла"! Вот и был результат!

Упаковали его в госпиталь сразу же по приходу в базу. С борта "тральца" и до скорой тащили на руках, далее, на носилках – до самой палаты, от приемного отделения, в древнем госпитале медицинских лифтов не было. Как и других – тоже!

И молодой, перспективный помощник командира попался в руки военным врачам по этому поводу. А они обрадовались и открыли в нем заболеваний – что ты! Был бы человек, а уж болезней найдем! Если прикинуть – так на пару томов малой медицинской энциклопедии.

Всё бы опять ничего, но вот дорога в командиры – раз, а потом, в перспективе в Военно-морскую академию – два, раз и навсегда закрывалась, задраилась бронированной переборочной дверью. Медкомиссию даже адмирал не уймет! Такой закон!

А раз так, Волынский, махнув на карьеру флотоводца рукой, решил уйти на берег, на предложенную ему в кадрах должность.

На новом месте служил он хорошо. По живой еще в нем корабельной старпомовской привычке, вкалывал как проклятый, тянул на себя все чужие одеяла и радовался тому, что умеет и делает больше и лучше других... Он пока искренне не понимал, почему рабочий день вдруг заканчивался в 18 часов? А дальше? Сколько еще дел можно переделать! Над ним подсмеивались – и в самом деле, еще привыкнет!

Когда он приехал на новое место службы, гарнизон сидел без связи. «Нету связи никакой, даже связи половой!» – пропел ему частушку Феликс Перцевой, капитан-лейтенант, новый сосед по комнате в общежитии.

И действительно, связи не было. Совсем. Даже с пограничниками на тыловой заставе. А база хранения и подготовки минного и противолодочного оружия – это вам не склад бэушных сапог и тапочек. Тут может произойти всякое! Теперешние террористы максимум в детский сад тогда еще ходили, или даже находились в проекте программы созидания живых организмов. И наш народ про них слыхом не слыхивал! Если только спецы какие, а так... Славное было время!

Но с чем черт не шутит, когда у Бога отпуск? Следовательно, связь нужна!

И послали из самого Полюсного радиорелейный ретранслятор, смонтированном в кунге, в таком специальном автокузове, на потрепанном и разболтанном ГАЗ – 66. Но его надо было к чему-то подключить...

Начал Сэм с того, что взял схему коммутатора, разобрал ветеранскую технику, как трехлинейную винтовку и пытался понять, в чем тут дело. Технику связи он, понятное дело, в упор не изучал, но как неглупый инженер твердо знал: вся беда любой самой высокоточной электротехники в том, что контакта нет там, где он должен быть, или он затаился именно там, где его вовсе быть не должно. Вот отсюда он и исходил!

И что вы думаете? Справился! Запчастей, понятное дело, не было давным-давно, но он всем им нашел простейшую замену. Собрал. Осталось куча лишних запчастей. Будете смеяться, но вся эта конструкция прекрасно работала и без них! Как новая, а, может быть, и лучше – все давно забыли, когда у них работало хоть что-то новое! Затем он оседлал бывшую пожарную машину, переделанную в разъездную, и поехал к пограничникам. При помощи миноискателя повышенной чувствительности он нашел место обрыва провода и починил его. Связь с тыловой заставой была восстановлена.

Президент Ефимовки капитан 2 ранга Днепров был ошарашен. Весь личный состав вверенного ему войска безуспешно сражался за связь с внешним миром уже больше месяца, а Сэму на седьмой день творения чинить было уже нечего. Даже спутниковую телеантенну «Москва» настроил, и теперь народ смотрел не только «мутные картинки», но даже целых три канала. Все тетki гарнизона получили доступ к редким тогда «заокеанским» сериалам.

Вот чего-то регулировать в другой аппаратуре он отказывался, исповедуя старое правило Мэрфи: «Не чини того, что еще работает!»

– И ты все это сам сделал? – спросил Днепров.

Сэм оглянулся, но никого вокруг себя больше не увидел.

– Сам! Я же инженер, все-таки!

– А я – кто? – обиделся командир базы.

– Вы... э... командир! – нашелся Волынский, удержавшись от предположения, откуда у Днепровы растут руки. Говаривали же на флоте: не умеешь делать сам – учи других!

– Завтра приезжает контр-адмирал Плафон... э-ээ, то есть, – Матвеев, начальник тыла флотилии, с проверкой. Будете его сопровождать и обеспечивать связью.

Все равно спросить с вас еще нечего, только пошел в ход ваш первый пакет! Еще успеете! – распорядился несколько задетый командир. Он тоже числил себя неплохим инженером. До сего момента. Может, так оно и было, только никто этого упорно и в упор – не замечал...

И, правда, назавтра к обеду прибыл новенький УАЗ с офицерами тыла. Тыл же! Да отсохнет рука, обделившая себя. Кстати, официально этот УАЗ числился за корабельным соединением. Взял адмирал в аренду, без спроса...

На сиденье рядом с водителем восседал контр-адмирал. Несмотря на относительную молодость – ему было что-то где-то к сорока, он давно носил адмиральские погоны. Он так всегда поворачивал дело, что командиры кораблей и частей оказывались сами виноваты в трудно-

стях снабжении, в загрузке имущества, в создании запасов. Причем, командующий сам начал верить в это, хотя человек был очень грамотный, опытный, служилый.

У начальника тыла множественные глубокие мысли и тяжкие заботы вытоптали очень заметную площадку среди волос на голове. Точнее там, где они когда-то были. За что ему давно прилепили светлое прозвище, известное всей флотилии. Зато теперь ему не надо специально голову мыть, а просто умываться по большой площади – говорили местные острословы у него за спиной.

Сэм побаивался начальника тыла, слухи о нем ходили разные и достоверные. Но Волынский решил, что они вращаются слишком на разных орбитах, а клопов, опять же, танками не давят! И сегодня же Матвеев уедет и опять появится очень не скоро.

А на базе не хватало... всего. По тем временам отдаленным и обделенным гарнизонам уделялось большое внимание... командованием. Всякие начальники складов и служб тыла чувствовали себя вершителями судеб и управу на них найти было трудно.

На каждый случай резких нападков, Днепров спокойно предъявлял копии заявок с отрицательными, издевательскими резолюциями. Он хорошо подготовился.

– Почему ваши матросы меня не боятся? Вы их разбаловали! На своих бойцов вы и ваши офицеры должны смотреть так, чтобы из них от одного взгляда все анализы потекли!

Воспитанностью и сдержанностью большой тыловик отягощен не был! Пустое! Эти качества не способствуют карьере и росту благосостояния!

Завернул на топливный склад резерва. Это была часть его непосредственного подчинения. Естественно, он сразу наткнулся на то, что ему не понравилось. Надо отдать должное – специалистом он был хорошим, и знал, что и каким документом определяется, и каким требованиям что должно соответствовать. Над казармой управления и зданиями служб долго летели пух и перья. Он распустил всех начальников, найдя для каждого из них свои «добрые слова».

Выводы, сделанные им, не радовали. Надо было что-то делать – неровен час, нагрянет сам командующий лично, и тогда и ему перепадет от всей души. Он не будет размениваться по мелочам – получают самые первые лица, прямой наводкой! Кое-какой печальный опыт уже имелся.

И тогда Матвеев решил поделиться своим настроением с оставшимися в Полюсном подчиненными. Он потребовал от Волынского установить связь. А что? Взял и установил...

И понеслась песнь о вешем Олеге! Он вспоминал всех родственников начальников служб, их мнимые физические и умственные дефекты, гробовые доски и центры всемирного тяготения с якорями во все неприличные места! Причем он говорил очень громко. Многие из нас считают, что чем громче кричишь в наши микрофоны, тем лучше слышно в паре сотен километров...

И тут Сэм вспомнил, что все разговоры по радиорелейному каналу проходят чрез все телевизоры Ефимовки. Частоты-то почти совпадают! А время – к вечеру, у телевизоров собрались жены офицеров и мичманов посмотреть какую-нибудь «Рабыню Изауру», включили свои «телики». А оттуда... на фоне мутных кадров красивой жизни – пламенная речь Матвеева, отягощенная последствиями двух высших военных образований и двадцатилетней службы...

«Надо было как-то об этом сказать адмиралу» – запоздало подумал Сэм, набрался храбрости, зажмурил глаза и выдал. Ладно, что он выступил на весь гарнизон, вплоть до отдельно взятой женщины и ребенка, так – как обещал Волынский – его должны были слушать в радиусе еще 40 км, даже скучающие слухачи норвегов!

Адмирал опешил. Все-таки кое-какое прошлое воспитание, где-то в детские голы у мамы как-то давало о себе знать. Застеснялся, в первый раз за сто лет! Но в этом должен был быть кто-то виноват!

Матвеев отпустил тангенту микрофона, сказал в него для пробы – Раз, раз, раз! Ага! Динамики молчали. Он обрадовался – теперь можно! И заорал на Сэма: – Так какого же ты такого патефона мне об этом не сказал! Связнюга! Попов недорезанный! Я тебя...

Сэм хотел сказать, что он не связист, и ко всему этому делу он относится, примерно, как представитель ООН. Да куда там! В речь начальника тыла, катившуюся лавиной, вставить слово было невозможно, да и опасно...

Чего уж там – назвался кузовом – получай груздей! Вот не буду в следующий раз тянуть на себя чужое одеяло – опять чужие же блохи покусуют! – в очередной раз зарекся Волынский. Да только ничего не вышло...

Но! Тон Матвеев сбавил, Пошумев и погромев, как уходящая к горизонту буря с грозой, раздав указания, пожелания, рыкнул еще раз в микрофон.

Затем, наспех попрощавшись, прыгнул в машину, дождался королевской свиты и... рванул по ухабистой, вдребезги разбитой дороге в сторону мурманской трассы...

– Плюнь и забудь! – успокаивал Днепров Волынского, – он уже забыл! Зато у нас теперь будет полный ассортимент продовольствия, камбузное оборудование, новые одеяла для личного состава и форма одежды! Скатертью ему дорога!

Что в переводе означало... Сами знаете! Любят у нас начальство!

Стих шестой

Битва с железным чудищем

Сэм сидел у себя в кабинете, работая с документами. Уходящее лето принесло ему ряд неожиданных приключений. Не по доброй воле, понятное дело. Он-то не турист-экстремал, а старший офицер минной группы.

Прокручивая в путанных извилинах своего могучего мозга последние события и маячившие на горизонте перспективы, он потянулся до хруста в костях и вздохнул, это привело его к мысли, что пора включить чайник и сделать перерыв на кофе.

«Не везет! Пошла темная полоса, как на тельняшке. Но, очень похоже, что меня развернуло с нормального курса и несет вдоль этой самой черной полосы!» – думал Сэм. Совсем недавно он вполне мог бы взлететь выше сопок, ага! Говорят, командир базы до сих пор, как вспомнит, то сразу прикуривает сигарету слегка трясущимися руками.

Тогда шли плановые подрывы старых списанных боеприпасов, за которые и отвечал Сэм. Минер он был действительно грамотный, обстоятельный и аккуратный. Он, похоже, знал всё! Все схемы делал так, «как учили». И все заряды были собраны как надо, и все подрываемые боеприпасы уложены как надо в специальной яме – чтобы полностью сдетонировали, а не разлетались после взрыва этой самой легендарной маме в разные стороны в свободном полете. Тоже были свои хитрости, надо кое-что знать и уметь.

А Сэм еще, на свою беду был педантичным до занудства, за что и страдал от окружающих, периодически «подкалывающих» его за это. Зато для командования он был находкой – никто не мог к нему подкопаться, наверное, минер и должен быть таким – чтобы родные его подчиненных не рыдали. К слову, его собственные родители и родные его несколько беспечных начальников – тоже.

И, может быть, Семен Геннадьевич Волынский сам бы тоже разлетелся путешествовать по миру в виде молекул и прочих кварков, кабы не его занудный характер. Хотя и случаев авантюризма на его боевом счету хватало. О чем и речь в этом рассказе. Или в стихе, раз я избрал форму для своего опуса, как "САГА".

Начиналось все очень неплохо. Пришла телеграмма о флотском конкурсе на лучший расчет по подготовке мин. В расчет Волынский пока не входил, он занимался учетом и организацией хранения минных и противолодочных боеприпасов. Но Днепров принял решения

об отправке всех офицеров минной группы для приобретения передового опыта. Пусть, мол, посмотрят на всю организацию сего выдающегося мероприятия. Познакомятся с коллегами – а вдруг пригодится? Военное дело – это такая профессия, где лишних знаний не бывает. Они просто аккуратно складываются где-то на потаенных полках мозга, и забываются – до поры, до времени.

А если вдруг приходит момент – возникшая Необходимость, да еще подстегнутая адреналином, сдувает с них пыль времен и включает в работу. И это часто позволяет оставаться в живых в стычке с противником, или просто целым и не порванным на куски родным командованием. Так мыслил Сэм – ему было интересно, да и дело-то, в самом деле, полезное.

Офицеры обрадовались – все-таки разнообразие. Больше всех радовался капитан-лейтенант Федосеич, по прозвищу Старый, так он действительно был старше всех по возрасту и выслуге лет. Что-то там не сложилось у него в кадрах, засунули его в Ефимовку и напрочь забыли о нем. Наверное, даже личное дело потеряли где-то.

Федосеич – это была его фамилия, но все, кто его еще не знал, всерьез полагали, что это отчество. А Петр Васильевич каждый раз доходил до бешенства, давая почувствовать разницу в разъяснениях, не всегда вежливых и печатных.

Собрались сами, собрали расчет из опытных матросов и старшин и двинулись во флотскую столицу, на главную минно-торпедную базу флота.

Все – честь по чести, приехали, устроили свой личный состав, ознакомились с программой конкурса. Конкурс должен был состояться утром следующего дня.

И до него – уйма времени.

– Так, товарищи офицеры! – сказал Петр Васильевич, на правах старшего. Правильно – если власть ваяется – ее надо брать!

И Федосеич взял ее и направил мысли офицеров в нужный сектор планирования и восприятия.

– Сейчас мы с вами едем в одно чудное место, где можно отлично поужинать, но и не только!

И они поехали в один из городков на окраине Мурманска, в злачное место под названием «Бермудский треугольник». На небольшом пространстве здесь располагалось три ресторана, которые точно – можно было соединить условными линиями в большой треугольник.

Деньги были в достаточном количестве. А куда их девать в Ефимовке? Вот и скапливались понемногу...

Свободное время – тоже, аж до самого завтра! Обилие народа и впечатлений пьянило. Это вам не пол десятка домов, где с одной стороны – залив, с другой – река, вокруг сопки и лес! Тут кипела жизнь! Надувались и рвались пузыри приключений, ощущений и ярких эмоций! И что в этом плохого?

Вечер прошел ярко и впечатляюще – как и было обещано!

Но Петр Васильевич Федосеич занялся любимым делом, позабыв свои заветы и обещания. Он опять ввязался в борьбу с Зеленым Змеем. И, как всегда, этот проклятый Змей победил. Без особых усилий, и не по очкам – а чистая победа! Пион!

Федосеич развязал свой язык, щедро отсыпал комплименты и целовал ручки дамам. Постепенно голова у него отключалась и подключилась головка самонаведения. Она уверенно брала управления на себя!

По прикидкам Семена, водки в коллегу поместилось столько, что ему было уже плевать на внешность дамы. И Старого захомотала какая-то нахальная тетка мощной комплекции и пышных форм и отбуксировала его бречное тело к такси. Всем хочется маленького счастья и простых удовольствий, и, желательно – так прямо сейчас. И какая скотина нас за это осудит? Особенно – если все это без вредных последствий!

Машина сразу сорвалась с места и исчезла, Сэм даже не успел среагировать. Начальник минной лаборатории тоже подался к выходу под руку с длиннющей рыжей девицей. А вот Волынский, расплатившись, решил двинуться в гостиницу. После дежурства, после бессонной ночи он ничего так не хотел, как просто выспаться. Причем – как следует! А ежели попадется подружка, то ведь опять придется трудиться до утра, доказывая ей и самому себе мощь и надежность офицерского корпуса Вооруженных Сил. А раз так – вдруг придется заступить на всенощную? Только не сегодня!!! В следующий раз!

Офицеры, стоявшие на своих кораблях в ремонте в приличных городах, говорят, из двух зол надо, мол, выбирать самое длинноногое. Лучше еще – Со свободной "хатой" для встреч.

Кое-какие сомнения Сэма все-таки терзали. Офицеры бы не поняли его поступка. А те, кто остался среди сопки и крошечных домиков – вообще бы осудили и подвергли обструкции! Да они бы презрительно заплевали его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.